

Глава 10

День выдался на редкость погожим. К рассвету дымчатый туман, заполнивший горную лощину перед домом, окончательно рассеялся, и солнечные лучи, точно россыпь битого золота, залили всю деревню Баоцюань.

Во дворе у третьего дедушки вовсю кипела жизнь. Отовсюду натащили длинных скамей и столов, расставив их так, чтобы хватило места всем гостям. Тётушки и дяди, пришедшие на подмогу, вовсю хлопотали на свежем воздухе: кто, подставив лицо ласковому зимнему солнцу, перебирал овощи, кто ловко орудовал ножом, подготавливая припасы к обеду.

Тао Циньюй миновал шумный двор и направился напрямиком к кабинету дяди Сяо Цзиня.

— Дядя Сяо Цзинь, — позвал он, переступая порог.

Тао Цзинь с трудом оторвал взгляд от разложенных на столе счетных книг и мановением руки подозвал юношу к себе.

В кабинете уже притаилась стайка мелюзги: близнецы Цинъя и Цинмяо, а также сын хозяина дома — Тао Юйцзюэ.

— Старший брат! — вразнобой зазвенели детские голоса, чистые и свежие, точно нежные побеги бамбука в утренней росе.

Циньюй по очереди потрепал каждого из «маленьких редисок» по макушке и подошел к столу родственника.

— Слышал я давеча, что к вам в дом вор залез, — начал Тао Цзинь. — Всё ли обошлось?

— Всё в полном порядке, — отмахнулся Циньюй. — Что нам сделается?

Тот жестом предложил племяннику сесть.

Если мерить мерками прежней жизни Циньюя, Тао Цзинь был совсем еще молодым человеком — и тридцати не исполнилось. Однако мужчины династии Дали питали слабость к окладистым бородам, и его дядя, отпустив растительность длиной в полпальца, выглядел добрых на десять лет старше своего истинного возраста.

Среди младшего поколения семьи Тао Циньюй считался самым старшим, тогда как в своем поколении Тао Цзинь был самым младшим. Разница в десять лет не мешала им ладить: в детстве Циньюй часто хвостиком бегал за ним и всегда прислушивался к его словам.

— В уезде я кое-что разузнал, — продолжил Тао Цзинь, понизив голос. — У той семейки врагов предостаточно, так что в ближайшее время им не до вас будет. Но берегись: люди они мелочные и злопамятные, как бы не начали распускать гнилые слухи.

— Вы же знаете, мне до этого дела нет, — спокойно ответил юноша.

— О себе не думаешь, так хоть о приличиях помни.

— Знаю, знаю... — Цинъюй нетерпеливо поморщился. — У меня от этих наставлений уже уши мозолями покрылись. Дядя, вы ведь меня не ради нотаций звали?

Тао Цзинь степенно погладил бороду и, бросив на племянника испытующий взгляд, наконец сдался:

— Тот метод ведения счетов, о котором ты говорил раньше... Я хочу его испробовать.

На его челе пролегла тень озабоченности.

— Год подходит к концу, в таверне началась проверка отчетности. Если сводить концы с концами по старинке, я и за неделю не управлюсь.

Он пододвинул счетную книгу к Цинъюю и добавил:

— Будь добр, наставь своего дядю.

Цинъюй лукаво прищурился и, вольготно откинувшись на спинку стула, сложил руки на груди.

— О как? А не вы ли, дядя, клялись, что ни за что не станете просить совета у сопляка?

Тао Цзинь заметно смутился, и кончики его ушей порозовели.

— С меня обед в лучшей таверне уезда!

Цинъюй мгновенно подобрался и сел прямо, точно образцовый ученик.

— Ловлю на слове!

— Слово мужчины тверже камня.

— Хе-хе-хе... — Циньюй подтянул к себе книгу и принялся лениво листать страницы. — Бухгалтерия таверны? Дядя, вы не боитесь доверять мне такие тайны?

— Конечно, это старые записи, — успоил его Тао Цзинь.

Нынешние методы учета были крайне примитивны. К примеру, запись гласила: «Двадцать третье число. У овощной лавки семьи Лю закуплено пятьдесят цзиней лука, уплачено сто вэней». Время, место, цена — всё предельно ясно. Но когда таких строк за год накапливаются тысячи, проверка превращается в сущий ад. Нужно перелопатить горы бумаги, чтобы вывести итоговую цифру.

В крупном заведении таких книг могло набраться на пару увесистых сундуков. Неудивительно, что к концу года учетчики едва не сходили с ума. К тому же, при таком подходе подделать записи было проще простого, а если итоговая сумма не сходилась, крайним всегда оказывался бедолага-бухгалтер.

Циньюй почувствовал, как в глазах начинает рябить от частотола иероглифов.

«Давно я не брал в руки книг, отвык...»

— Одна тысяча двести тридцать один лан... — пробормотал он и вдруг вскинул брови. — Дядя, неужели ваша таверна еще несколько лет назад приносила столько серебра?! А не бросить ли нам торговлю рыбой? Откроем свой кабак — и дело в шляпе!

Заметив, что племянник опять паясничает, не продержавшись в серьезном образе и четверти часа, Тао Цзинь холодно усмехнулся:

— Ну попробуй, рискни. Аренда в месяц встанет в добрых несколько десятков ланов, не считая отделки, закупок и жалованья прислуге... Пошарь-ка в своих карманах — найдешь хоть медный грош на такое дело?

Эти слова подействовали на Циньюю как ушат холодной воды.

— Денег нет.

— Вот то-то и оно. Читай давай.

— Слушаюсь.

Солнечный свет из окна упал на плечи юноши. Стоило Циньюю отбросить дурашливость и сосредоточиться, как он преобразился: в его осанке и взгляде проступило благородство, точно у искусно ограненной яшмы.

Даже за изучением скучных счетов в нём появилось некое притягательное изящество. Младшие застыли, точно замороженные, не сводя глаз со старшего брата.

— Старший брат Циньюй знает столько иероглифов... — прошептал Тао Цинцзя.

Это казалось чудом, ведь тот никогда не посещал академию. Когда дядя учил их считать по этим же книгам, им приходилось переспрашивать каждое второе слово.

— Твой брат только с виду шалопай, — отозвался Тао Цзинь, — а на деле он куда способнее многих ученых мужей.

Тао Юйцзюэ, услышав это, робко вставил:

— Папа, разве можно так говорить о старшем брате?

Циньюй, полностью погрузившись в расчеты, не слышал их шепота. Почувствовав, что спина затекла, он привычно сполз на край стула, небрежно развалившись. В этот миг он больше походил на праздного столичного гуляку, чем на деревенского парня.

Юйцзюэ от удивления даже рот приоткрыл, и на его бледном личике отразилось крайнее изумление.

— Не бери с него пример, — наставительно произнес Тао Цзинь.

Циньюй захлопнул книгу.

— А что не так с моим примером? Живу как хочу, разве это плохо?

Он потянулся и ловко подхватил лежавшие рядом счета. Пальцы запорхали по костяшкам, и сухой стук — «так-так-так» — понесся по комнате, напоминая бег резвого жеребенка по каменистой равнине.

— Дядя, это называется счетоводство «Драконьи врата», метод двойной записи. Все счета делятся на четыре категории: приход, выбытие, остаток и долг. В основе лежит принцип Реестра «Четырех столпов», то есть: старый остаток плюс новый доход равен расходу плюс текущий остаток.

— Старый остаток — это то, что перешло с прошлого периода. Новый доход — поступления за текущий срок. Расход — это траты, а текущий остаток — то, что фактически имеется на руках на данный момент.

Тао Цзинь, прослуживший счетоводом не один год, схватывал всё на лету. Он взял лист бумаги, на котором Цинъюй набросал свои пояснения — почерком, больше напоминающим хаотичные каракули, — и принялся беззвучно шевелить губами. Спустя мгновение он вдруг звонко рассмеялся.

— Блестяще! — он с силой хлопнул ладонью по столу. — Просто блестяще!

— Если свести обе части, любая ошибка сразу вылезет наружу! Всё как на ладони, и не нужно бояться, что расчеты подведут.

— Изумительно! Просто изумительно! Ха-ха-ха!

Цинъюй, глядя на дядю, который в восторге принялся мерить комнату шагами, подпер голову рукой. Солнце слепило глаза, и он, сощурившись, лениво добавил:

— Кажется, в дальнейшем развитии есть еще счетоводство «Четырех ног»...

В памяти юноши всплыл образ четырех счетоводов, сидящих по углам огромного стола и с невероятной скоростью щелкающих костяшками огромных счетов. Зрелище было захватывающее.

Разморенный теплом, он сладко зевнул, решив, что на сегодня с него интеллектуальных подвигов хватит.

— Ладно, дальше сами разбирайтесь.

История всё равно пойдет своим чередом, рано или поздно эти методы станут привычными. Для него, любителя, и этих знаний было более чем достаточно.

Теперь они поменялись ролями: возбужденный дядя носился по кабинету, а племянник замер в неподвижности, наслаждаясь тишиной. Дети, сбившись в кучку, точно перепуганные цыплята, во все глаза смотрели на взрослых.

— Что это с дядей Сяо Цзинем? — шепнул один.

— Кажется, он сошел с ума от радости...

— Старший брат такой крутой, он учит самого дядю!

— Он всегда был крутым, — шепотом подтвердил Цинцзя, — просто сегодня это стало заметнее.

Циньюй приоткрыл один глаз. В его чистых, искрящихся зрачках отразились четыре мордашки.

— Я всё слышу, мелюзга.

Он поднялся и отряхнул одежду.

— Дядя, я вам больше не нужен?

— Ступай, ступай.

— И про обед не забудьте!

Циньюй вышел из кабинета, и четверо детей послушным шлейфом потянулись за ним. Он идет — и они идут. Он остановится — и они замирают на месте.

— Вам чего? — спросил он, глядя на этот «хвост».

— Ничего, — ответил за всех Юйцзюэ.

Циньюй удивленно вскинул бровь. Видать, сегодня он стал кумиром подрастающего поколения.

— Ну, раз вам ничего не надо, тогда слушайте меня. Как там ваши успехи в каллиграфии? А ну-ка, покажите, чему вас дядя научил.

Дети переглянулись и, не сговариваясь, припустили во всю прыть в разные стороны.

Юноша лишь тихо хмыкнул. Что ж, нелюбовь к учебе — это, похоже, единственное, что остается неизменным во все времена.

К полудню солнце припекло совсем по-весеннему. Из кухни одно за другим начали выносить блюда.

Циньюй сидел за одним столом со своим младшим папочкой, жадно разглядывая угощение: наваристый суп с нежным мясом, рыба в кисло-сладком соусе, хрустящие кусочки свинины во фритюре, ароматное жирное мясо...

Третий дедушка явно не поскупился на праздник.

— Приступайте, — скомандовала самая старшая за столом — третья бабушка.

Циньюй перехватил взгляд отца и первым делом потянулся палочками к куску сочной свинины.

Стоило нежному мясу коснуться языка, как к горлу подкатил комок. Вкус был самым обычным, деревенским, но Циньюй вдруг стало нестерпимо грустно. Лишь в такие моменты он по-настоящему осознавал, какую роскошную и легкую жизнь вел прежде.

«Ох... как же вкусно...»

Человек, который раньше был равнодушен к мясу, теперь уплетал его за обе щеки, точно голодный ребенок. И он был не одинок. Все собравшиеся за столом привыкли к лишениям, и для многих это был первый случай за весь год, когда можно было наесться мяса досыта. Этот обед мог поспорить с праздничным пиром в новогоднюю ночь.

Неудивительно, что вскоре все сидели, едва дыша от сытости. Столы опустели мгновенно — гости не оставили хозяевам ни крошки.

Сытые и довольные, люди начали расходиться. Хозяева приглашали всех вернуться к ужину, и Циньюй вместе с отцом отправился домой. Первым делом он положил принесенную с праздника косточку в миску Сяо Хуана. Потрепав щенка по голове, юноша почувствовал, как наваливается дремота. Зимнее солнце так и манило в постель.

Сон был глубоким, но внезапно Циньюй вздрогнул и проснулся.

Солнечный свет пробивался сквозь щели в ставнях, и в золотистых столбах пылинки кружились, точно крохотные мальки. Опомившись, он вскрикнул:

— Младший папочка! Младший папочка!

— Да здесь я, здесь! Чего разорался? — в комнату вошел Фан У, сжимая в руке ковш для куриного корма. — Случилось чего?

Заметив капельки пота на лбу сына, Фан У встревожился и, отбросив ковш, прижал его к себе.

— Кошмар приснился? Или занемог?

Циньюй вдохнул тонкий аромат жасмина, исходивший от одежды папы, и его бешено колотящееся сердце начало понемгу успокаиваться.

— Мне приснился А Чжу, — прошептал он, часто моргая.

— С твоим А Чжу всё в порядке. Его сегодня видели — вместе с дедом в уезд поехал, — Фан У ласково отер пот со лба сына. Его мозолистые ладони были грубыми, но это прикосновение приносило покой.

— В уезд?

— Ну да.

— Может, он уже вернулся... Всё равно дел сегодня нет, чего в четырех стенах киснуть? Сходи, проветришься.

Циньюй отстранился и кивнул. Фан У набросил ему на плечи куртку:

— Давай, поднимайся. Одевайся теплее, не ровен час простудишься.

Юноша благодарно улыбнулся и принялся неспешно одеваться.

Вчера А Чжу обмолвился о смотринах, а сегодня ему приснилось, что друг встретил дурного человека. Младший папочка говорит, что тот уехал в уезд с дедом — значит, смотрины наверняка состоялись.

«Нет, надо во всём разобраться. Судьба А Чжу — дело серьезное, нельзя пускать всё на самотек»

<http://bllate.org/book/15858/1439617>